

знати. Такая борьба усилилась в 1432 г. и закончилась в 1453 г., причем шла она с переменным успехом: то брал верх московский великий князь, то одолевали его противники, пока окончательно не были разбиты. В завещании Дмитрия Донского, как оно читается в „Слове о житии“, в уста самого великого князя вложена защита старых феодальных прав: „без воли“ бояр, которых сам Дмитрий Донской называет „князьями своей земли“, его наследники не должны „ничтоже творить“.¹ Оттого-то позднейшие редакторы сочли необходимым это резкое выражение идеи ограничения власти великого князя московского смягчить. Ведь по советовавши с боярами великий князь поступить мог и по своему, но слова „без воли“ обозначают какую-то степень зависимости верховной власти от боярского окружения. Авторитетом победителя Мамаю прикрывается здесь защита старого порядка. Такую тенденцию проводить, хоть и осторожно, в литературе можно было только до 1453 г., т. е. до окончательной победы великого князя московского. Не эта ли скрытая политическая тенденция и заставила автора тщательно скрыть свое имя?

„Слово о житии и о преставлении“ Дмитрия Донского не прошло незамеченным в позднейшей русской литературе. Наибольшую популярность в ней получила трогательная, местами безискусственно искренняя лирика плача княгини Евдокии.

Новые редакции старших княжеских житий используют этот плач, приспособляя его к содержанию иных сюжетов. Так, в XVI в. в житии Михаила Черниговского появляется вставной эпизод — плач княгини, в котором она изливает свою тревогу, узнав, что князь едет в Орду (см. переработку редакции Пахомия Серба, представленную Чудовским списком № 49—251, XVI в., лл. 422—429, изд.: Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 83—84). В этом плаче княгини есть прямые отголоски не только происходивших в момент отъезда князя событий, но и угрожавших ему в Орде злоключений. В соответствии с реальной ситуацией, в новом плаче все, что в плаче Евдокии относилось к теме смерти, приурочено к отъезду князя в Орду: княгиня тужит о том, что ее ожидает, а не о том, что уже случилось, как в плаче Евдокии. Но стилистическая близость обоих плачей очевидна: „Увы мне, како отиде живот мой, остави мя уединену вдовою и дети своя сиры. Почто аз прежде тебе не умрох? Како отиде свет от очию моею? Где отходиши, господине, в велику пагубную землю грядеши? Что ради уведаети, винограде многоплодни, и не подаети плода сердцу моему и сладости души моей? *Напрасно* хочещи впасти в руки поганьския и *напрасно* хочещи умрети. Кому ли, господине, приказал еси мене и чада свои? *Что* ли отечество съблюдет, великий град Чернигов? *Что* ли попечалует нами? *Кто* ли в Угры отведед мя, егда паки нашествие будет безбожных агарян на отечество твое? Солнце мое, рано заходиши, месяц мой красный, рано погибаети. Звезда восточная, почто к западу грядеши? Царю мои, како приму ты или послужу ти? Где, господине, честь и слава твоя? Государь отечеству своему был еси, *ныне напрасно хочещи умрети от безбожных агарян*, и слава твоя изменится, и зрак лица твоего в истление приложится. Живот мой, мало възвеселюся с тобою“, и т. д. Нельзя сткзать автору этого плача в уменье довольно искусно изменять готовый текст, когда этого требовала иная историческая обстановка

¹ Обративший внимание на эти слова И. Снегирев писал в предисловии к изданию „Слова о житии“: „Сочинитель его должен быть духовная особа, знакомая с греческим просвещением и писавшая под влиянием бояр, как видно из слов: без воли их [бояр] ничто же творите“ (Русск. Историч. сборник, т. III, М., 1838, стр. XXV).